

СЕРГЕЙ БЕЛОГОРЦЕВ

ВЕСЕЛЫЕ БАЙКИ ИЗ ТЮРЬМЫ

Полный сборник

(АРЕСТАНТСКАЯ САТИРА)

Сергей Белогорцев

**Веселые байки из
тюрьмы. Полный сборник**

«Автор»

2023

Белогорцев С.

Веселые байки из тюрьмы. Полный сборник / С. Белогорцев —
«Автор», 2023

Тюрьмы и колонии России описаны многими авторами. В этой книге вы не найдете чернухи, жестокости и насилия. Это сборник забавных историй из жизни заключенных и сотрудников исправительных учреждений. В этих историях описана правда жизни, как она есть и это можно отнести к жанру арестантской сатиры. Так получается, что жизнь есть везде, в том числе и в местах лишения свободы. А юмор... Юмор помогает жить и оставаться человеком. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации. Содержит нецензурную брань.

© Белогорцев С., 2023

© Автор, 2023

Сергей Белогорцев

Веселые байки из тюрьмы. Полный сборник

Пирожок

Это были те два-три часа тишины перед наступлением ночи, когда в тюрьме начинается настоящая жизнь. Темнело и все обитатели централа (СИЗО) областного города N. знали, что максимум часа через три начнется... Опять малолетки, начнут лаяться с женщинами и оскорблять друг друга последними словами. И эти "переговоры на высоком уровне" будут идти часов до трех ночи. Ну что с них возьмешь? С малолеток за такое спроса нет, ну а с баб, простите, женщин, тем более.

Опять Пашка Фонарь будет доводить рецидивистку Гальку Картошку расспросами об ее интимной жизни и над их разговорами будет угорать половина централа.

А тридцатилетняя воровка Ритка Колбаса будет предлагать себя в жены юному убийце Сашке Таракану.

Вовка Карась опять начнет "дурковать" и кричать в окно, – Мама! Забери меня отсюда, я исправился; хотя весь централ знал, что он сирота.

Ленька Певец опять начнет петь про голубей, которые "летят над нашей зоной". Все, как всегда, меняются только персонажи, а так... Малолеток, как правило, держат на одном крыле или корпусе с женщинами, вот они и "любят" друг друга морально. Это жизнь, пусть в тюрьме, но жизнь.

Опять в полночь проснется сумасшедший Сережа-мокрушник, который зарубил жену и тещу, когда у него "улетели гуси". Теперь его держат в одиночной камере на больничном этаже, где он дожидается этапа на "дурку" и ровно в полночь он начинает реветь белугой в окно. Никто и ничто его не может успокоить до рассвета. С восходом солнца он выдыхается и замолкает. Достал всех уже – и арестантов, и врачей, и ментов. Ну что взять с дурака?

Как обычно начнут сходить с ума первоходы и заставлять новичков кричать в окно: "Тюрьма-старушка, дай погремушку, да не простую, а воровскую!". Сколько лет этой традиции? Никто не знает, но сколько людей носит прозвища, данные тюрьмой. И как обычно со многих камер посыплется предложения- Вантуз, Очко, Хорек. А если еще поинтересуются, за что заехал новичок и выяснится, что за какую-нибудь мелочь, типа кражи джинсов на рынке, то тут... Границ фантазиям не будет – Пуговица, Молния, Карман, Гульфик, Штанина и Продавец... И если погремуха устроит новичка, то его попросят спеть песню. Тогда, держись тюрьма. Будет завывать гнусавым голосом "Таганку", пытаюсь держать мотив, не зная слов и так раз пять подряд...

Опять начнут наводить дороги или как говорят сотрудники – межкамерную связь. Опять начнут закидывать нитки с грузом в соседние камеры, чтобы протянуть коня – веревку, сплетенную из ниток. И пойдет движ – туда сигареты, обратно чай. Подельники начнут друг другу слать "малявы", где будут писать, что и как говорить на суде и на следствии.

Парни и взрослые мужики будут писать "заохам" на женский корпус любовные послания и ждать ответа. Тюремная романтика, однако. Хотя видел он свою "любовь" всего 3 секунды, когда ее выводили из "воронка", но теперь – любовь до конца жизни. И не смущает обоих, что она сидит за убийство мужа, а он убил любовницу. И срок им светит – девять и двенадцать соответственно. Спешите жить здесь и сейчас, а завтра... Оно будет только завтра. Опять будут слышны крики – один семь восемь, лови. И тут же ответ – дома, дома.

Ровно в половине одиннадцатого (хоть часы проверяй) к забору со стороны свободы подойдет девушка и начнет кричать – Андрюша, прости меня! Я тебя люблю! Прости!

И кто-то будет ей отвечать грубым, хриплым, прокуренным голосом, – Пошла на хрен, шалава! И этот диалог (причем не меняя слов) будет продолжаться ровно до полуночи, опять, хоть часы проверяй. Крикнув напоследок, что любит Андрюшу, и судя по всему заплакав, девушка уйдет.

И это будет нормальная, ночная, тюремная жизнь... Но до этого веселья осталось еще часа два-три, а пока... А пока на дворе ранняя весна 199... года. Союз уже распался, а новую Россию только начали строить, но тюрьме плевать, тюрьмы будут всегда.

В камере №25 (или, как говорят в тюрьме – хата два пять), которая расположена в самом конце карантинного отделения идет своя жизнь. Давайте в нее заглянем. Камера на восемнадцать человек, но сидит там только четырнадцать. Трех позавчера распределили по жилым хатам, а остальные выжидают положенные 14 дней карантина. Контингент подобрался нормальный, опытный в тюремном быте, все как-то быстро нашли общий язык и живут "одним котлом", то есть не делят – это твое, это мое.

Итак, хата два пять. Как заходишь в нее, то практически сразу упираешься в стол-дубок. Он такой длинный, что за ним одновременно умещаются все "жители квартиры".

Недавно прошел ужин, но баланду не брали, так как в хате и своей еды хватает. Правда, взяли селедку, ведь сегодня она в меру соленая и из нее можно приготовить неплохое блюдо. Рецепт прост – разделяешь селедку, очищаешь от костей и очень мелко режешь. Потом мелко режешь лук и перемешиваешь с селедкой, все это заливаешь растительным маслом и выжимаешь туда лимон. Двенадцать часов стоит, а потом берешь хлеб и делаешь бутерброды. Вкуснотищааа..., аж пальцы сам себе откусываешь.

Вот приготовлением этого блюда, за дальним от входа концом стола и занимаются два молодых парня Чип и Дейл. Хотя в жизни они не Чип и Дейл, а Сметана и Цыган. Чипом и Дейлом их прозвали в хате. Сметана – высокий стройный парень, лет 25, погоняло получил за цвет волос – натуральный блондин, любая модница позавидует. Присел за неудачную кражу из магазина. Цыган ниже его, тоже стройный, но цвет волос... Чернее черной краски. Сидит за драку, кого-то неудачно приложил головой о стену, терпила жив, но в больнице. Несмотря на разный цвет волос, они чем-то очень похожи, как братья. Когда-то они вместе сидели на малолетке и часто вспоминают какого-то Тюрю и хохочут. А сейчас, чистя рыбу, спорят – получится ли у Ритки Колбасы уболтать Сашку Таракана на свадьбу или он ее пошлет далеко. А мультяшные прозвища им дали за то, что они всегда вместе – спят на соседних нарах, что-то вместе обсуждают и всегда, по доброте душевной готовы прийти на помощь. Вот и сейчас, их никто не просил чистить эту селедку, сами вызвались. Юные пионеры, простите, арестанты.

Рядом с ним за дубком расположилась компания из четырех человек, молодые мужчины, лет 35-38. Заварили литровую кружку чифиря, ждут пока настоится и ведут какую-то свою веселую беседу. Сидят по двое друг напротив друга. Давайте знакомиться с ними.

Рядом со Сметаной сидит Окунь. Погоняло получил за абсолютно пустые и бесцветные глаза, разбойник. Втроем с подельниками "отработали" пятерых коммерсантов, забрали 20 тысяч долларов, пока одни коммерсы рассчитывались за товар с другими. Поставили под стволы всех пятерых и забрали деньги. Как рассказывал Окунь, что упертые барыги попались, пришлось даже одному ногу прострелить, чтобы быстрее деньги отдали. Но за ногу потерпевшего он не переживает, залатают ногу, врачи в России хорошие. Ствол давно в Туесе (река, которая омывает город N.) плавает, а деньги закопаны. Вот и думает Окунь, кому можно доверить тайну денег, чтобы выкопал, разделил и отнес его родным и родным подельников. Чтобы и родственникам было хорошо, да и им с подельниками передачи иногда не помешают.

Около Окуня примостился Труба. Погоняло получил за голос, он у него громкий и какой-то нечеткий, как в трубу говорит. После освобождения убил соседа, приревновав к жене.

Теперь его терзает всего один вопрос, а ревность – это смягчающее обстоятельство или отягчающее? Если смягчающее, то получу лет восемь, если отягчающее, то все двенадцать.

Напротив них расположились два "брата по ремеслу" – автоугонщики Шрам и Колесо. Давно промышляют угонами машин для перепродажи, но действуют умно и кроме угона перепродажу им не доказывают. Колесо парень веселый и любит иногда безобидно пошутить, но всегда говорит с таким серьезным видом, что любой депутат позавидует. А Шрам волнуется, что не смог попасть на свадьбу к сестре. Вся эта четверка когда-то вместе сидела на общем режиме и даже на одном бараке, вот их жизнь свела снова. Им всегда есть что вспомнить, вот и сейчас похихатывая вспоминают, как "лечили" отрядника по прозвищу Чебурашка от похмелья брагой.

Ближе ко входу за дубком играют в нарды азербайджанец Али по прозвищу Басмач, которое получил за татуировку с какой-то арабской вязью и армянин Вартан, по прозвищу Палец. Погоняло Вартан заслужил тем, что в лагере, отказываясь от работы, отрубил себе мизинец на левой руке. Оба – квартирные воры или домушники, даже весьма успешные. В нарды играют с первого дня и постоянно, все не могут выяснить, где круче нардисты – в Армении или Азербайджане.

Колесо их добродушно подкалывает, – На Карабах играете?

Они улыбаются, а Басмач отвечает, – Я того Карабаха нюх топтал, он мне зачем?

А Вартан Палец ему вторит, – Эээ, ара, слюююшай, зачем мне Карабах-Марабах? Я преступник, пусть там политики разбираются

В левом углу, на одной из сдвоенных нар внизу сидят два старичка – Пика и Свеча. Обоим слегка за семьдесят, оба отсидели лет по сорок пять. Свеча получил погоняло за рост и телосложение – высокий и худой. Пика – за то, что при любом скандале хватался за пику и всаживал в противника.

Свеча – карманник, всю жизнь крадет, за это и сидит. В этот раз попался по причине, что не смог аккуратно вытащить кошелек – руки подвели.

Пика же после последнего срока решил завязать, и милиция какими-то хитрыми ходами устроила его в дом престарелых. Но продержался он там недолго, что-то не поделил с соседом по палате (или как там у них называется?) и всадил соседу перочинный ножик в пузо. Сосед остался жить, а Пике закрыли. Единственное, о чем жалеет Пика, что "не дорезал, его, падлу".

Знакомы они годов с 50-х, когда-то сидели вместе на Севере. Целыми днями вспоминают "ранешние времена", пьют крепкий чифирь и курят самокрутки. Сигареты оба не признают принципиально. Как товарищ Сталин потрошил в трубку табак из папирос "Герцеговина Флор", так и старички потрошат табак на газету, крутят самокрутки и курят. Вонь от этого стоит страшная, но никто им не делает замечания – ведь хата людская и возраст, как и некоторые безобидные привычки тут уважают.

Вот и сейчас, затягиваясь "скруткой", наверное, в пятый раз за день, Свеча рассказывает Пике, как его не дождалась из тюрьмы Машка Селедка: «Представляешь, Петрович, прихожу после пятерки, а она с пузом и девчушка, годиков двух крутится. Прости, говорит, дуру, не дождалась».

Пика в своем стиле, – Нужно было стерву на пику посадить и всех делов.

– Ты что, Петрович, – возмущается Свеча, – я же любил ее, дуру.

Пика уважительно величает Свечу Никанорыч, а тот его – Петрович, но такое обращение они допускают только между собой.

Как-то Сметана обратился к Свече, – Никанорыч, так что тут началось.

Свеча вскочил, руки трясутся, орет – Ты кого, щаанок (так он сказал слово – щенок), Никанорычем назвал? Меня 47 лет по лагерям знают, как Свечу, так и обращайся.

А Пика вторит ему, в старые времена я бы тебе язык твой пикой к наре приколол. Еле угомонили старичков, да и то, смог это сделать только Витя – Пулемет. Пулемет – это единствен-

ный человек в хате, кому старики разрешают себя называть дедами, а все остальные должны обращаться только к Пике и Свече.

Если заговорили о Пулемете, то давайте немного о нем. Погоняло Пулемет он получил за то, что постоянно тасует в руках пулемет, то есть колоду карт, пальцы тренирует. Он тоже, как и Свеча, карманник. Полез в сумку к бабе в автобусе, автобус трянуло, он на эту бабу и завалился – шум, гам, менты, СИЗО. Он считается лидером в хате, смотрящим. К нему прислушиваются, уважают. Лет ему примерно шестьдесят, тридцать из которых провел в тюрьме, невысокий, крепкий. Лежит на наре и ждет, когда четверка за столом позовет его пить чифирь, а пока слушает разговоры в хате и улыбается чему-то своему.

На второй нижней наре, спиной к дедам спит Миша Угрюмый. Миша – это отдельный рассказ. Получил 15 лет за убийство и на суде пообещал, что когда освободится, то убьет свидетеля. Отсидел все пятнадцать, освободился и убил. Заехав в СИЗО целыми днями спит, наверное, так организм дает разрядку нервам. Ведь Угрюмый не знает, что будет впереди – или расстрел или опять пятнадцать. Он мало с кем разговаривает, просто молчит о своем. Шрам с ним вместе сидел где-то и рассказывал, что Миша и в лагере такой был, отсюда и прозвище.

На верхней наре над стариками лежит Профессор и читает газету, что-то отмечая в ней ручкой. Профессор является казначеем и бухгалтером одной московской группировки, которая занимается "отжимом" квартир. Профессором его прозвали за внешний вид – высокий рост, стать, благородная седина, очки. На свободе всегда носил бородку, интеллигент, одним словом. И не скажешь, что из своих сорока трех, тринадцать провел в тюрьме. Приехал на родину в N., навестить могилы родителей, тут его и приняли за какие-то старые грехи. Но Профессор не расстраивается, знает, что долго здесь не задержится. Три дня назад приходил к нему адвокат, которого наняла его группировка, аж из Москвы прилетел. Так он сказал, Профессору, что доказухи у ментов нет, максимум месяц продержат и нагонят. Потом ему сделали богатую передачу, да и денег на лицевой счет закинули, чтобы можно было что-то в ларьке купить. Профессор на радостях накопил в ларьке пачек двести лапши китайской, банок пятьдесят консервов всяких, несколько блоков сигарет, кучу чая, кофе, сгущенки, конфет, шоколада и теперь хата сыта и довольна. Да еще и Цыгану с Трубой передачи зашли, так что хата стала похожа на какой-то сельмаг – консервы, конфеты, сигареты, чай, лапша, сало и колбаса.

Но вернемся к Профессору. Теперь, когда он знает свою дальнейшую судьбу, он спокоен. Адвокат принес ему кучу газет и журналов – всякие "Известия", "Новости бизнеса" и прочие "Коммерсанты", вот он и изучает, что, почему и где. Что-то отмечает ручкой, иногда восклицает, – Ну как так можно? Чем они там в правительстве думают? Совсем с ума сошли.

Профессора уважают за ум, за знания и за абсолютное спокойствие, он никогда не повышает голос и все объясняет терпеливо, как преподаватель на лекции нерадивым студентам. Только у него есть два "пунктика" – он не любит ненормативную лексику и обожает, когда люди говорят грамотно.

Рядом с Профессором лежит Студент и читает книгу В. Богомолова «Момент истины» («В августе сорок четвертого»). Семен Студент – это отдельная тема. Он тоже, как Свеча и Пулемет – карманник, но он карманник – оригинал. Лет ему чуть за тридцать, отсидел четыре срока, высокий стройный, широкоплечий, каштановые волосы, голубые глаза – мечта юных студенток и стареющих вдовушек. Знаменит был тем, что в транспорте он не просто вытаскивал кошелек, а открывал его, забирал деньги и засовывал кошелек терпиле обратно, и не важно куда – в карман или в сумку. Погорел на том, что на пустом кошельке у терпицы обнаружили его отпечатки пальцев.

Студентом его прозвали за то, что он мечтает поступить в МГУ и получить профессию юриста, причем мечтает с первого срока. Семен закатывает свои голубые глаза и мечтательно говорит, – Вот получу диплом и тогда я им всем, падлам, устрою.

Когда у него интересуются, – кому им, – то Семен смотрит на собеседника, как на ущербного и отвечает с неохотой, – я же сказал, падлам.

Кто такие падлы, до сих пор никто и не выяснил. Освобождаясь, каждый раз, Студент мечтает украсть нормальную сумму денег и уехать в Москву, но судьба и суд ему не позволяют это сделать. В итоге Семен сел в пятый раз.

И вот, лежа рядом с Профессором, он читал знаменитую повесть "В августе сорок четвертого". Книгу эту он выдурил у кого-то на КПЗ и за десять дней карантина читал ее шестой раз, все время восторгаясь и зачитывая вслух всей хате целые абзацы. Причем, каждый раз читал новый фрагмент. После пяти суток цитирования, Пика пообещал его зарезать, если он не заткнется, так что теперь, единственным, но неблагодарным слушателем был Профессор, которому Студент был симпатичен тем, что тянется к знаниям и тем, что читает.

Правда, когда Профессор поинтересовался у Студента, зачем он книгу перечитывает постоянно, то Студент удивленно сказал, – Богомоллов ведь в СМЕРШе служил, то есть почти мусор, значит юрист, это типа, моего учебника, готовлюсь в МГУ.

Вот и сейчас, прочитав очередную страницу Студент воскликнул, – Ах, ты, падла, как завернул, гад. Слушай, Профессор, что фрайер базарит.

Профессор отвлекся от газеты, поморщился и спокойно сказал, – Сеня! Вы же будущий юрист, извольте объясняться культурно.

Студент посмотрел на него с недоумением, потом на секунду задумался и ответил, – Так я и так культурно, я же не по матери, а просто сказал, что он фрайер.

Пулемет, лежа на нижней наре напротив, улыбнулся и сказал, – Да, Студент, никогда тебе не стать Профессором. Мал ты еще, груб и глуп. Вот учись у нормальных, умных людей. Лежит себе, прессу просматривает и тут ты со своими падлами и фрайерами.

Студент повернулся к Пулемету и ответил, – Пулемет, так ведь он в натуре, фрайер, набазарил тут себе на два вышака (расстрела), да еще и подельников сдал.

Тут к Пулемету подошел Сметана и поинтересовался, что будем ужинать. Пулемет поднялся на наре и спросил у Свечи и Пики – Деды! Что хавать будем? Вон, мальцы готовить собрались, что бы вы хотели.

Это была не издевка, а уважение к возрасту. Пика, рассказывавший в этот момент Свече, как приколот к дереву стукача на лесоповале, недоуменно глянул на Пулемета, как будто возвращаясь из прошлого, "очнулся" и сказал, – Да нам, сынки, все равно, верно, Никанорыч? Свеча кивком подтвердил.

Тогда Пулемет, повысив голос спросил, – Хата! Чем ужинать будем? Некоторые отвлеклись от своих разговоров и занятий и стали выдвигать предложения. Профессор предложил сделать суп из лапши и консервов, Студент сказал, что не хочет ужинать. Четверка за столом предложила бутерброды и чай. Басмач и Палец были увлечены игрой и ничего не слышали. Цыган не успел ничего сказать, как послышался какой-то шум за дверью камеры. Все замолкли и кроме Угрюмого, который продолжал спать, повернули голову к двери. Повернулся ключ, звякнул засов и зашел парень, лет 19.

Был он высок и крепок. Именно той, крестьянской степенностью, пышущей здоровьем, которую описывали русские классики. Светло-рыжие волосы, веснушки и кулаки, размером с маленький арбуз. В руках он держал две огромные клетчатые сумки из которых доносился запах мяса или колбасы. Контролер сказал – принимайте новенького и закрыл дверь.

Парень постоял секунду, обвел всех взглядом и пробасил, – Здорово всем! Я Генка Маньшин из Ольховки, а лучше – Трактор.

Окунь и Пулемет переглянулись, улыбнулись и Пулемет сказал, – Ну проходи, Генка Трактор. Генка степенно поставил сумки на пол, подошел к нардидам, извинился и попросил освободить место на дубке. Вартан взял нарды и перенес их на свою нару.

И тут Генка, расстегнув сумки начал выкладывать добро на стол. Чего там только не было – штук тридцать вареных яиц, килограмм семь вареной в мундирах картошки, килограмм пять соленого сала, колбаса, копченое мясо, несколько вареных куриц, огромный кусок сливочного масла, лук, чеснок. Потом из другой сумки он достал пачек двадцать сигарет без фильтра, десяток коробков спичек и стопкой сложил на край стола.

Закончив раскладываться, Генка сказал, – Это все на хату, нужно съесть быстро, чтобы не пропало, вот только чая нет, мать не положила, – и добавил, – жаль, что при шмоне забрали трехлитровую банку огурцов соленых и банку помидоров, мать сама солила. А они... – он шмыгнул носом и проворчал, как будто пародируя кого-то, – в стекле не положено...

Пулемет, усмехнувшись, спросил, – А помидоры и огурцы прям в банках были? Генка ответил, что, да. Пулемет подмигнул Колесу и кивнул. Колесо подошел к двери и начал стучать в нее.

Из коридора донеслось, – Какая?

Колесо крикнул, – Два пять.

Подошел контролер и через дверь буркнул, – Что надо?

Колесо попросил, – Открой кормяк.

Открылась кормушка (окно для раздачи пищи), Колесо наклонился и поздоровался, – Здорово, старшой. Потом попросил контролера наклониться и что-то быстро, но тихо стал говорить, было слышно только бубнение и отдельные слова – мать, колхозник, помидоры, полovina.

Контролер сказал, – Попробую и захлопнул кормяк. Колесо вернулся к столу, по пути сказав Генке, – присаживайся, – кивнул Пулемету и тоже сел за дубок.

Труба в это время келишивал (переливал из кружки в кружку) чифирь. Пулемет, поднявшись с нары, тоже присел за стол. Чип и Дейл стали разбирать продукты и укладывать в шкаф на стене и на свободную нару. Нардисты продолжили игру уже на наре у Пальца, старики вернулись к беседе, Угрюмый спал, Студент опять углубился в чтение, а Профессор молча наблюдал за всеми со своей "пальмы" (верхней нары).

– Ну, что, Генка Трактор, давай знакомиться, я Пулемет.

Все, сидящие за столом представились, Генка кивал и говорил, что очень приятно. После этого Пулемет представил всех остальных и добавил, – потом сам познакомишься. Генка поинтересовался, где можно помыть руки, так как с дороги и негоже за стол садиться с грязными руками. Профессор с верхней нары задумчиво посмотрел на него и встретившись глазами с Пулеметом, кивнул – типа, соображает парень. Цыган показал Генке, где мыло и дал полотенце. Помыв руки, Трактор опять присел за стол.

Труба протянул ему кружку с чифирем и сказал, – Ну, будем знакомы.

Генка как-то смутился и сказал, – Простите, но я чифирь не пью, дядька Федька говорил, что на сердце влияет. Простите, еще раз.

Труба удивленно поднял брови и спросил, – А дядька Федька, это кто?

На что Трактор сразу ответил, – Ну водила наш, с Ольховки, он сидел же, вы его не знаете, разве?

Труба, усмехнувшись, отрицательно покачал головой.

Тут не выдержал Колесо, – Нет, дядьку Федьку мы не знаем, знаем только Федьку дядьку, а твой дядька Федька, наверное, в соседней хате сидел.

Все улыбнулись, а Генка продолжил, что дядька Федька научил, что в тюрьме, как зашел, нужно поздороваться, что-то положить на общий стол и обязательно помыть руки с дороги. Труба кивнул – правильно научил.

Пулемет, улыбаясь и повернувшись к Чипу и Дейлу, сказал, – Малыши, сделайте человеку сладкого чая.

И потом поинтересовался у Генки, – Где ты сидел?

Генка, ответил, что нигде.

– А как же ты к нам попал, ведь здесь все судимые?

Генка, как-то хитро улыбнувшись и с гордостью сказал, так я тоже судим, только условно.

– Аааа, – протянул Пулемет, – теперь ясно, и за что судим?

– Как за что, за трактор, отсюда и прозвище. – За какой трактор? Объясни, – не понял Пулемет.

Ну и Генка начал рассказывать, – Трактор, я угнал у Илюхи, тракториста нашего. Я когда-то у него работал сменщиком и знал, как завести.

– Зачем тебе трактор?

– Ну в Семеновку съездить, это километров пять от Ольховки, к Вальке-разведенке, трахаться же хочется. А Валька дает всем, даже молодым, если с водкой приехать.

Труба, усмехнувшись спросил, – А что в вашей Ольховке баб нет?

– Есть, конечно, но все замужние, а разведенки и вдовы со взрослыми спят, мы молодые им не нужны, сопляками называют.

– А молодые девки куда делись? – не успокаивался Труба.

– Так молодые все после школы в райцентр уезжают, в Лебедево, там же училище, где на швей да парикмахеров учат. А в деревне одни школьницы маленькие и Нюрка косая, да Танька – дура. С Танькой нельзя, она блаженная, мужики если узнают, то убьют. А Нюрка косая и страшная, ей тридцать лет, до сих пор в девках ходит.

Тут открылся кормяк, и контролер позвал, – Колесо!

Колесо выскочил из-за стола и подбежал к двери. В кормяк кто-то просунул полную миску соленых огурцов и миску помидоров.

Колесо сказал, – Благодарю, – и кормяк захлопнулся. Подойдя к столу, Колесо поставил миски на стол и сказал обалдевшему Генке, – Все забрать не удалось, но хоть половину, – и обведя глазами всех, добавил, – ужин будет царский.

Подошел Цыган и поставил перед Генкой кружку чая и металлическую банку с сахаром, – Сахар по вкусу сам добавишь, пей.

Генка размешал сахар и начал прихлебывать, пока другие допивали чифирь.

– Ну и что дальше было с трактором? – продолжил Пулемет.

– А ничего, – сказал Генка, – только доехал до Вальки, не успел в дом войти, я же еще и бухой был, а тут Михалыч подкатил на мотоцикле, участковый наш. Илюха, гад побежал к нему и нажаловался. Вот и впаили мне полтора условно, да и кличка прилипла – Трактор.

– Погоняло, – поправил Профессор с верхней нары.

– А, какое гоняло? – не понял Генка.

– Не гоняло, а погоняло, – терпеливо стал втолковывать Профессор, – клички у собак, а у арестантов – погоняла, понял, Трактор? – и улыбнулся своей очаровательной улыбкой интеллигента.

– Понял, – в ответ улыбнулся Генка.

Тут вмешался Пика, – А что же Илюха твой, сынок, живой?

– А ничего, живет, что ему будет? – ответил Генка.

– Нужно было его падлу на пику надеть, – не унимался Пика, – чтобы знал, волчара позорный, как людей сдавать.

– Хватит людей пугать, дед, – сказал Пулемет

Все улыбнулись, закурили после чифиря и потом Профессор поинтересовался, – А сейчас то за что?

Генка аж расправил плечи и гордо громко произнес, – Кража и оружие!

Басмач и Палец даже играть перестали, так красиво это прозвучало, Чип и Дейл замолкли в своем углу, а Колесо с серьезным видом поинтересовался, – Кража, оружие? И что ты украл – солярку из трактора у Кирюхи? Или лифчик у Вальки? А оружие какое – рогатка?

– Не у Кирюхи, а у Илюхи, – поправил Генка.

– Да какая разница, – махнул рукой Колесо, – все равно солярка, хоть у Кирюхи, хоть у Илюхи.

Генка, не поняв, что над ним смеются, серьезно ответил, – Деньги и ружье.

Даже Студент оторвался от книги, а Пулемет вкрадчивым голосом поинтересовался, – И много денег, милоч?

– Двести пятьдесят, – опять гордо и громко ответил Генка.

– Эээээ, ара, слюююшай....Двэсти пятдэсят, чего? – это уже вступил Палец.

– Тысяч долларов, – сказал Генка.

Студент подскочил на наре и спросил: "Чего – чего?"

– Двести пятьдесят тысяч долларов...

Тишина стала какой-то звенящей, стало слышно, как закашлялся Свеча, подавившись дымом от самокрутки, как сопит Угрюмый и тут не выдержал Окунь, – Мля, я за двадцатку чуть не сделал из пятерых живых пять мертвых, а тут.... Двести пятьдесят штук. Да я за такие бабки половину твоей Котяховки перестреляю, и рука не дрогнет.

– Ольховки, – поправил Генка.

– Да, плевать, и половину Ольховки тоже, – не мог успокоиться Окунь.

Студент что-то считал, шевеля губами, а потом обратился к Профессору – А сколько на эти деньги можно хат в Москве купить?

Профессор снял очки, почесал переносицу и задумчиво сказал – Ну если подумать и постараться, то "двушек" штук одиннадцать – двенадцать.

– Вот видишь, – вскричал Студент, обращаясь к Генке, – двенадцать хат в Москве, а ты со своей Ольховкой.

– Так мы в Москву и ехали, – почти прошептал Трактор.

– Ша, не на базаре! это вступил в разговор Пулемет, – давай, Расскажи-ка по порядку, а то муть какая-то, – и сурово глянул на Генку.

И Генка Трактор начал рассказывать свою историю...

Родился я в Ольховке Лебедевского района. Отец умер, когда мне было 7 лет, жил с матерью. Она у меня на свиноферме работает. У нас же в колхозе свиней разводили, слышали такой колхоз – миллионер "50 лет Великого Октября"?

– Конечно, слышали, – не смог промолчать Колесо, – там же еще рядом совхоз "20 лет без урожая". И хотел еще что-то добавить ехидное, но Пулемет пристально посмотрел на него и Колесо замолк.

А Студент спросил у Профессора, – Где этот Лебедевский район?

Профессор что-то прикинул в уме и ответил, – Километров 170 от N.

Окунь недовольно пробурчал, – Ты нам еще тут автобиографию напиши и школьный аттестат покажи, лучше за деньги Расскажи, где такие лежат? Я прям сейчас на рынок пойду (в побег), чтобы забрать.

–Так я про деньги и говорю, – насупившись сказал Генка. И продолжил, – Так вот, был у нас колхоз, а председателем был Василий Никанорыч.

Тут опять не выдержал Колесо и обернувшись к дедам, которые отложив воспоминания, слушали Трактора, спросил у Свечи, – Свеча, а это не твой брательник там, в колхозе за председателем рулит?

И пародируя старика, добавил гнусавым голосом, – А может ты, Свеча, еще и партийный, а?

– Щанок, – заорал, Свеча, приподнимаясь с нары, – да я...

– Ша, утомонитесь, – повысил голос Пулемет, – дайте человеку рассказать и обращаясь к Генке уже спокойно добавил, – ну и что ваш Никанорыч?

– Так вот он, – продолжил Трактор, – решил сделать из колхоза фермерское хозяйство. Что-то там нахিমичил, и мы все стали фермерами, а он директор, ну или как его там? Не знаю, но так главным и остался. А свиней было в колхозе почти двенадцать тысяч, не считая молодняка, я же знаю, у меня там мать работает. Меня то никуда на работу после того трактора не берут, вот я дома хозяйством и занимался.

– И вот Никанорыч вместе с бухгалтершей Петровной решили, что свиней нужно всех продать.

Услышав про Петровну, Колесо улыбнулся и начал поворачиваться к Пике. Заметив это, Пулемет строго глянул на него и показал кулак. Колесо, хмыкнув в ладонь, промолчал.

– Ну Никанорыч с Петровной на собрании уговорили всех наших, – продолжал Генка, – и начали искать покупателей. Двенадцать тысяч свиней – это вам не поросся на базаре продать. Искали-искали и нашли каких-то чернож..., – потом быстро глянул на Вартана и Али, которые бросили игру и тоже сидели за столом, с интересом слушая, осекся и поправился, – нерусских.

– И вот эти нерусские, у них в Подмоскovie фабрика, да и не одна, где колбасу делают.

– Мясокомбинат, – поправил с верхней нары Профессор.

– Да, да, мясокомбинат, – кивнул Генка и продолжил, – они и купили всех свиней сразу, живым весом. Представьте, "КАМАЗами" недели две возили, вывезли всех, подчистую. И говорят, что Никанорыч наш миллион долларов заработал. И есть у меня друг Юрка, он только училище закончил и вернулся обратно в деревню, грамотный, электриком на свинарнике работал. И Юрке этому весной в армию идти, а он не хочет. Вот и предложил он эти деньги у председателя слямзить.

Когда свиней продали, то на ферме работы мало стало. Председатель стал строить себе новый дом, а деньги в старом держал у себя. Это тоже Юрка рассказал, он вместе с мужиками, сейф из конторы помогал перевозить к Никанорычу в старый дом. Ну, как сейф, ящик такой железный. Вот Юрка меня и подговорил, давай, говорит, украдем и в Москву уедем. А у Юрки в Москве дядька родной живет – Матвей, тоже наш, ольховский. Он там в армии служил, потом остался, сейчас где-то на заводе работает. Юрка сказал, что Матвей поможет, приютит на первое время, а мы документы новые сделаем, квартиру купим и фирму свою откроем, ведь денег у Никанорыча много. Да и Юрка бизнес хотел свой какой-нибудь.

При словах о бизнесе, Профессор усмехнулся, а Колесо, с серьезным видом поинтересовался, – А бизнес какой? Свиной или тракторный?

– Да помолчи ты, язык без костей, – не выдержал Пика, – пусть расскажет.

И вот в обед, когда какое-то собрание у них в конторе было, мы в дом и залезли, с обратной стороны через окно, Юрка же там бывал уже. Он еще и ломик прихватил. Замок хлипкий на сейфе, скovyрнули быстро, а там денег – тьма тьмущая, да почти все не наши, доллары, прям в пачках. И рубли еще были. Давай мы сумку по дому искать, наши спортивную и начали туда складывать, почти половина сумки вышло. А в сейфе еще ружье лежало разобранное и патроны, я его тоже прихватил, ну и патронов штук двадцать, если что, то в Москве продадим, там, говорят, все можно продать. Юрка еще в шкафу рубашки новые нашел, прям в этом, целлофане. Фирма крутая – "Табаки".

– "Табани", – на автомате поправил Профессор, которые тоже уже сидел за столом и курил с задумчивым видом.

– Ну да, – согласился Генка, – да, еще две бутылки коньяка, как его? Во, "Метаска".

– "Метакса", – опять поправил Профессор.

Генка глянул на него, помолчал, о чем-то задумался и продолжил. Ну вылезли мы обратно через окно и решили домой не заходить, а сразу в Москву ехать. Матери, думал, телеграмму дать из N., чтобы не волновалась, вещи уже в Москве купим, ведь мы теперь богатые, как эти, как они, ну, Ротвейлеры.

– Рокфеллеры, не удержался Профессор.

Генка не обратил внимание на замечание и рассказывал дальше – миллиардеры. Вышли мы на трассу, что на Лебедево ведет и давай попутку ловить. Попался мужик на "Зиле", за бутылку коньяка согласился довезти. Только он с другой стороны заезжал в Лебедево, с той, где элеватор, знаете?

– Конечно, – не смог смолчать Колесо, – мы же каждый день в Лебедево на элеватор мотаемся, жить без этого не можем, скажи Труба? Вон, берем Студента с собой, Шрама за водилу и поехали... В Лебедево, на элеватор.

Окунь ухмыльнулся, а Пулемет поморщился и обратился к Трактору, – ну и дальше что?

– А что, – сказал Генка, – ничего. Привез он нас, высадил. Ну и пошли мы пешком на автовокзал. Я же в Лебедево всего раз пять был, когда суд был, когда паспорт получал, да и с матерью на базар ездил, но мы с другой стороны заезжали. А Юрка, так вообще, кроме автовокзала нигде не был, он же учился в Марьяново, зачем ему Лебедево? Он только с автовокзала в училище и ездил. Ну пошли мы. Спрашивать дорогу страшно, такие деньжищи с собой, идем смотрим по сторонам. По дороге ту бутылку коньяка выпили, все-таки в Москву едем. Уже темнеть начало, взяли еще бутылку водки, тоже выпили.

Кое-как нашли автовокзал, а автобус последний в N. уже ушел, а следующий только в 6 утра. Что делать? Ведь в Москву мы только из N. можем уехать. Взяли билеты на утренний автобус и решили на автовокзале ночевать. Сидим, болтаем, думаем, как в Москве хорошо будет, тут менты подходят, ну эти, как их, патруль. Проверили документы, билеты и просят показать, что в сумке. Юрка возмущаться стал, толкнул одного. Ну и пошло-поехало, они нас дубинками по хребтине и в отдел. А там уже сумку открыли и звездец. Что еще рассказать? Тут же дело сразу завели, хорошо, что матери хоть передачу разрешили на КПЗ привезти. А эти, сволочи, еще и половину огурцов с помидорами забрали.

– Мда... – протянул Профессор.

– Мля... – вслед за ним пробурчал Свеча.

– Твою мать, – вскочил Окунь, – двести пятьдесят штук зелени у колхозника дома.

Сметана и Цыган просто молчали, стоя около стола, и смотря на Генку.

Народ как-то зашевелился, кто-то тихо матерился, но все были ошарашены такой нелепой концовкой. Это же надо... Умудриться "увести" четверть миллиона долларов и так глупо "погореть". Вот уж точно, фарт воровской есть, а простого человеческого везения – ноль.

Генка попросил еще чая и пока Цыган ставил кипятить кружку, о чем-то и сам задумался.

Тут Студент, не до конца отошедший от финала истории, для которого Москва была хрустальной мечтой жизни, поинтересовался, – А чего вы тачку не взяли? За трешку штук зелени вас бы любой таксер прям до вашего дядьки в Москве довез, до самой квартиры, хоть на девятом этаже, да в дороге бы еще целовал бы вас во все места и облизывал.

Генка, не задумываясь, ответил, что таксисты все бандиты и у них своя мафия, могут убить по дороге или деньги забрать.

Тут встрял Шрам, – Так у вас же ружье было с патронами.

Генка посмотрел на него выпученными глазами и почти прошептал, – И что? Стрелять? Это грех.

– Грех, мать твою, – чуть ли не заорал Окунь, – да я за такие бабки всех таксистов в Москве положу, да еще твою Котяховку, Ольховку, тебя с твоим Юркой, Кирюхой, Илюхой и Валькой-шалавой.

– Ладно – ладно, – примирительно сказал Пулемет, – что вы на пацана насели? Ну не срослось, бывает же иногда и на ментовской улице праздник, – продолжил, – а скажи-ка мне, милоч, вот ты полдня был богачом, вы хоть что-то сделали такого, чтобы теперь весь срок вспоминать? Хоть проститутку классную трахнули, менту в рожу плюнули и хавальник штукой баксов прикрыли, чтобы утерся и заткнулся или только вокруг элеватора бухие шарились?

– Конечно, сделали – сразу откликнулся Генка, – в ресторане были.

– О, – удивился Пулемет, – ну и как?

И каждый в хате стал представлять себе ресторан, как он его знает и помнит. Профессор представил московский "Метрополь", где они своей бригадой обмывали каждое удачное дело. Местные стали представлять "Жемчужину" города N., то есть самый крутой ресторан областного центра, в котором, как поется в одной песне "братва гуляет и не мешают мусора" и фирменным блюдом является фаршированная щука с местной водкой "Туеская". Свеча и Пика ничего представить не смогли, так как всю жизнь провели в тюрьме и о ресторанах только слышали в тюремных разговорах, застолье на "малине" им было ближе по духу.

Чип и Дейл в ресторанах не бывали и вспоминать им было нечего.

Палец представил, как он поглощает в "Арагви" шашлык, запивая армянским коньяком, а рядом с ним жопастая и сисястая блондинка.

Басмач тоже представил "Арагви", но в его мыслях была такая картина – он выкупает весь ресторан на вечер, сидит за богато накрытым столом один в зале и заставляет танцевать официанток стриптиз, кидая им купюры на подносы.

– Ну и что в ресторане, – спросил Пулемет, – что ели, что пили?

Все как-то напряглись, готовясь услышать нечто дорогое, необычное и экзотическое, где лангусты, крабы, красная икра и шампанское "Вдова Клико" даже "не всплывали", а были отданы халдеям "на чай". Все ждали...

– Ели пирожки со сметаной, а пили лимонад, – ответил Трактор.

Наступила абсолютная тишина... Угрюмый перевернулся на другой бок и снова засопел. Этот шорох показался громом, все аж вздрогнули.

Тут уже не выдержал всегда спокойный Профессор, он вскочил и начал орать – Какие на хрен пирожки со сметаной? Ты дурак? Дебил? Имбецил? Даун? У тебя бабок было столько, что ты мог половину Москвы купить, а ты... Пирожки со сметаной – передразнил он Трактора, – сука, – не мог успокоиться Профессор, таким взволнованным его в хате никто и никогда не видел, – четверть ляма зелени, Ротвейлер гребаный, мля, Окунь, как я тебя понимаю. Мы бригадой такие деньги поднимаем месяца за три, так нас семь человек. СЕМЬ!!!! – это он уже крикнул Трактору, – а тут.... Профессор махнул рукой и сел, когда он закуривал, то руки у него тряслись, как с сильного перепоя.

Пулемет просто молчал, даже колоду не тасовал, он просто сидел в каком-то ступоре, упершись взглядом в стену. Чип и Дейл о чем-то шептались в углу. Пика со Свечой, тихо ругнувшись на пару, вернулись к воспоминаниям, а кавказцы к игре, но каждый из них периодически что-то говорил на своем гортанном языке, явно матерясь. Студент, забыв про книгу, смотрел в потолок и что-то шептал про себя.

Остальные просто молчали, пока Шрам не предложил чифирнуть. Колесо с горечью в голосе добавил, – Ага, давай. За здоровье "фартового пацана" Генки Трактора, за его не потраченные бабки и за пирожки со сметаной.

Тут очнулся Пулемет, – Значит так, Генка. Пацан ты веселый, но, пожалуйста, больше нам свои истории не рассказывай. Видишь ли, в чем дело. Еще одна история и Пика со Свечкой инфаркт получают, да и я не молодой уже. Чипу и Дейлу пофиг, у них здоровья много, а вот эти страшные дядьки, он кивнул на всех остальных – Окуня, Трубу, Шрама, Колесо, Басмача, Пальца, Профессора и Студента. Они люди нервные и лучше их лишний раз не доводить. Потом, помолчав, указал на спящего Угрюмого, – А тот.... А тот вообще... Ему человека убить, проще, чем тебе курицу зарезать.

– И еще, – добавил Пулемет, – Сметана у нас уже есть, а ты Генка – не Трактор, какой тут Трактор, ты теперь Генка Пирожок. Как заедешь в хату, так сразу и обзывайся, чтобы, как дурень на решке не орать. Усек? – он строго глянул на вновь испеченного Пирожка.

– Усек, – тихо кивнул Генка...

Вот так и закончился этот весенний вечер в хате два пять централа города N. И только Угрюмый продолжал спать, не зная, какая история с лихо закрученным сюжетом развернулась в хате, сколько эмоций было высказано и сколько нервов сожгли сокамерники. Но мы его будить не будем, пусть спит, ведь никто не знает, что его ждет впереди – "лоб зеленкой намажут" (расстреляют) или поедет он на вторую "пятнашку". Пусть спит пока...

Вроде здесь можно было бы и закончить историю про "пирожки со сметаной", но она была бы не полная, если бы не один интересный момент. "Откатался" Генка Пирожок под следствием два месяца, так как следствие было быстрым, что там расследовать? И получил Генка два с половиной года условно, а подельник его Юрка – три условно, как организатор. Ну а что? Деньги вернули, за разбитое стекло и сломанный замок мать Генки Никанорычу деньги отдала, "фартовые крадунишки" раскаялись, все довольны. И я не знаю, везучие они или нет, но фарт (удача) их все-таки сопровождал по этому делу.

Опер Маничка

Эта история произошла в одном из СИЗО (централов) нашей необъятной Родины в самом начале второго десятилетия текущего века. Когда "малявы" (письма) между сидельцами стали уходить в прошлое, так как в местах, не столь отдаленных появились сотовые телефоны. Да, это не всегда были навороченные смартфоны с кучей функций, но обыкновенные кнопочные звонилки ("фонарики") были во многих хатах (камерах).

Конечно, "малявы" никуда не делись, но это уже были не те записки, которыми обменивались подельники, в которых обсуждались важные вопросы по делу (уголовному делу), нет. Сейчас "малявы" стали больше средством общения между мужским и женским корпусом, когда он и она играли в "любовь". Ведь, получая такое послание, которое пахнет духами, где в конце, рядом со словом "люблю", помадный отпечаток губ, мужчина начинал действительно верить в то, что она его любит, что они встретятся после освобождения, что у них все серьезно и она на самом деле хочет родить ему двух сыновей и дочь. Ох, мечты и фантазии... Но не будем его судить строго. Вполне вероятно, что эти письма с отпечатками губ помогают ему жить, заставляют верить в будущее и не падать духом. В конце концов, все – взрослые люди и каждый сходит с ума по-своему.

Конечно, иногда пишут и серьезные "малявы", когда что-то нельзя обсудить по телефону, но все равно, такое явление, как переписка стала терять свой первоначальный смысл. Тем более, что любая написанная бумажка – это уже компромат против самого арестанта, а может быть и лишняя улика для следователя.

Да и телефон экономит кучу времени, бумаги и ручек, ведь набрать номер и что-то обговорить – на это уходит три минуты, а писать... Писать это долго, да и не интересно, тем более,

по делу. Проще это время потратить на любовное письмо, какой-нибудь Любке по прозвищу Моника, глядишь и ответит.

Все "малявы" передаются, так называемыми "дорогами" – веревкой, протянутой между камерами. Есть много вариантов дорог – по параше, по вентиляции, но рассказ будет только о той, которая протянута между окнами камер.

Дорога... Это вены тюрьмы, по которым бежит жизнь, но эти "вены" работают только ночью. По дорогам гонят все – чай, сигареты, продукты, документы, одежду, самогон. Все, что пролезет сквозь "решку" (решетку). Если что-то не пролазит, то его так "забандякуют" (упакууют), что пролезет. Если упаковали и "бандяк" (сверток) все равно не лезет, тогда решетку распилят, разогнут, но отправят. Ведь кто-то на другом конце централа ждет именно эту одежду, так как ему завтра на этап. Или ждет именно эти документы, так как завтра суд. Ну или просто ждет бутылку самогона, так как получил свои двадцать лет и ему нужно снять стресс.

На дороге стоят дорожники. Это те люди, которые своим трудом обеспечивают жизнь всей тюрьме. На них лежит огромная ответственность, так как от их умения, быстроты, сообразительности зависит очень многое – вовремя ли получит человек документы, успеет ли собраться на этап, получив "грев" от знакомых и приятелей...

Дорожник должен обладать хорошей реакцией, сообразительностью, умением "построиться" (наладить дорогу), скоростью, чтобы груз не зависал в воздухе, сноровкой быстро и точно "точковать" (записывать), что, куда, кому, откуда прошло через хату. Ведь по этим "точковкам" (записям) можно отследить любой груз, который был отправлен дорогой по тюрьме. Точковки берегут, в руки сотрудников они не должны попасть ни в коем случае. В-общем, дорожник – это серьезно.

Вот о дорожниках, точнее об их роли в данной истории и пойдет речь, но о них в процессе разговора.

И был в том СИЗО опер – капитан внутренней службы Сеньков Александр Михайлович. Лет около тридцати, высокий, статный, светлые волосы, эдакий киношный "сыночек папаши Мюллера", хотя, служил то он именно в хозяйстве Мюллера ("Мюллер" – начальник оперативного отдела, по фене). Судя по обручальному кольцу, был женат. Всегда выглядел не просто уверенным в себе, а самоуверенным. Спокойный профессионал, можно сказать, что "правильный мусор". Режим не "наворачивал", беспредела не допускал, руки не распускал. Если кого-то вербовал, то делал это так технично, что бедолага – арестант сам не понимал, как подписал заявление о сотрудничестве. Со всеми был вежлив и корректен, с арестантами всегда на "вы", эдакий идеал офицера внутренней службы. Если бы в СИЗО была доска почета сотрудников, то фото капитана Сенькова висело бы на самом верху и под ним была бы надпись – "Образец сотрудника ФСИН".

Проблем себе лишних не искал, все вопросы старался решать разговорами и убеждениями. Начальство его ценило, а арестанты... А арестанты, наверное, и уважали бы по-своему, но... Был у Сенькова "пунктик" – он не мог терпеть дороги. Он их прям ненавидел всеми своими внутренностями и фибрами души. Капитан их рвал, резал, при шмоне забирал "коней" (веревки), проще говоря, он был грозой дорожников. Точнее, он не мог терпеть не сами дороги, а самогон, который по ним ходил. Если он дежурил на сутках, то можно было даже не пытаться что-то передать, так как половина горячительного не дошла бы до адресатов.

Чем ему так не угодил самогон, никто точно не знал. Правда, когда старый рецидивист Казак поинтересовался у него: "Михалыч, а что ты к самогону цепляешься?", то Сеньков, немного подумав, ответил: "Не положено по режиму". А потом добавил: "Ну гОните вы в хате – гонИте, никто вам слово не говорит, зачем по всему централу разгонять и народ спаивать?" И странно это было слышать от Сенькова, ведь он закрывал глаза на то, что в хате изготавливают самогон. Да что там самогон, по долгу службы и "благодаря" помощи стукачей, он знал – в

какой хате какой имеется телефон. И не просто знал модель, но и номер этого телефона и цвет корпуса, но опять же закрывал глаза.

Но дороги с самогоном его раздражали, точнее – бесили. Оборвать дорогу, по которой из хаты в хату "летит" бутылка с огненной водой – это была какая-то страсть, болезнь или даже мания. Из-за этой мании и прилипло ему прозвище – Маничка. Все арестанты и сотрудники знали про это прозвище, знал и Сеньков и кажется, что он даже гордился им. Типа, вот как арестанты оценили его рвение, что даже прозвище дали соответствующее.

И самое интересное, у него был какой-то звериный нюх на бутылки. Груз часто пакует в "кисет" – эдакий мешок, сшитый из штанины, по форме не всегда можно определить, что внутри – или чай так запакован, спортивные штаны или бутылка. Маничка мог часами стоять под окнами и пропускать грузы, идущие по дороге. Пропускал все – чай, сигареты, продукты, вещи. Но, как только шла бутылка, то все... Дорога сразу же обрывалась, и бутылка оставалась у Манички. Он хватал бутылку и бежал к себе в кабинет. При этом у него был такой радостный вид, как будто на 23 февраля сотрудницы СИЗО ему подарили не пену для бритья, а дом в пригороде Парижа, вместе с гражданством Франции. В кабинете он спокойно распаковывал, нюхал добычу и шел к той камере, куда предназначался самогон. Подходил, открывал кормяк (окошко в двери для раздачи пищи) и звал адресата данной посылки. Когда адресат подходил, то Маничка говорил примерно следующее, – Ну что, Иванов, сегодня Вы будете трезвый, я уж прослежу за этим. И пожелав доброй ночи, уходил, чтобы перехватить следующую бутылку. Если же оказывалась бутылка, например, с подсолнечным маслом, то он тоже шел к адресату, отдавал ее и говорил, примерно следующее, – Извините, Петров, тут Вам поделеньник масло передавал, пришлось проверить. Я проверил, все чисто, доброй ночи. И уходил.

Года три назад, когда Маничка был еще старшим лейтенантом с ним произошла неприятная история. Встав на стремянку, он рукой схватил "коня" (веревку), которым передавали самогон из хаты в хату на втором этаже и попытался оторвать кисет с бутылкой. Передающий дорожник, увидев эту картину, крикнул в соседнюю принимающему, – Маничка зацепил, тяни. И представьте картину, в двух хатах на помощь дорожникам пришли мужики и практически одновременно дернули веревку вверх. Маничка, вцепившись в коня, завис в воздухе. Стремянка упала и вот он висит на уровне второго этажа. А дорожники, регулируя голосами натяжение веревки, начали его раскачивать. Все закончилось печально для Сенькова – веревка не выдержала, он упал на стремянку и сломал правую руку.

Пока Маничка три месяца был на больничном – это была лафа. Самогон гоняли десятками литров, ничего и никого не опасаясь. Некоторые уже стали забывать, что есть такой Сеньков, но... Всему хорошему (как, впрочем, и плохому) приходит конец. Закончилась лафа и у дорожников – Сеньков вышел на работу. Хотя кто-то и питал призрачную надежду, что сломанная рука будет Маничке уроком, но Сеньков решил не оправдывать ничьих надежд.

Он стал действовать умнее. Завел себе длинный шест, один конец шеста засунул в металлическую трубу, сварщик из хозобслуги приварил к трубе крючок и Маничка теперь старался порвать коня этим приспособлением. Максимум, стоя на табурете, чтобы вторую руку не сломать. Если не удавалось порвать коня, то он просто срывал крючком кисет с бутылкой и был доволен.

К началу этой истории, Маничка достал всех дорожников централа. Особенно досталось дорожникам камеры №155 (хаты один пять пять) Седому и Сынку. Хата один пять пять – это была именно дорожная хата, то есть через нее шли грузы практически на все крыло централа. Сверху, снизу, слева, справа, через коридор по вентиляции в хату напротив, двумя словами – перевалочная база. Хата была большая, сидело в ней человек тридцать, все ранее судимые. Смотрел за хатой Андрей Ява, мужчина лет 42-44, рецидивист со стажем. Погоняло получил за то, что, катаясь в юности на мотоцикле, повредил ногу. Теперь сильно хромал и ходил с палочкой. Об остальных обитателях камеры говорить не будем, речь не о них.

И во время своих суточных дежурств Маничка, как правило, всю ночь "дежурил" под окнами именно этой хаты, несмотря на то, что камера располагалась на третьем этаже. Но с помощью табурета, своего приспособления и высокого роста, он мог дотянуться и до их "коня".

Плюс к этому, в 155 гнали самогон, который потом "разгоняли" по тюрьме. Сколько-то отдавали на общее, сколько-то передавали на "крест" (тюремную больницу) и на "тубанар" для больных туберкулезом. Сколько-то "засылали" в камеру к тем, кто приговорен к пожизненному, то есть "пыжикам". Адресатов хватало, следовательно, работы и у самогонщиков было много.

Всеми этими передвижениями грузов управляли дорожники Седой и Сынок. Седой – парень лет 25, сидел второй раз за кражу. Цвет волос у него был темный, но на темени было пятно седых волос, отсюда и прилипло прозвище. Был он невысокий, коренастый и очень шустрый. Он стоял "на дороге" у окна и успевал управлять четырьмя "конями", во все четыре стороны – вверх, вниз, вправо и влево. При этом одним глазом смотрел за Сынком, чтобы тот не накосячил.

Сынок прозвище получил за то, что обожал Сантино (Санни) Корлеоно из "Крестного отца". Саму книгу Сынок читал раз тридцать, да и сейчас она у него лежала под подушкой. Был он ровесник Седого и тоже сидел второй раз, угнал машину. Сынок "точковал" грузы и занимался переправкой их через вентиляцию в хату напротив. Но все равно, в этой паре старшим был Седой.

Седой и Сынок как-то сдружились за эти несколько месяцев, пока жили в одной хате и занимались общим делом. И все бы у них шло хорошо, если бы не Маничка. Сеньков был для них головной болью. Что они только не думали и не прикидывали, как отучить Маничку от его "охоты", но ничего путного на ум не шло. Опять прошлой ночью, находясь на дежурстве, капитан сорвал шесть литровых бутылок с зельем. Значит раскусил их последнюю задумку и теперь на нее не реагирует.

Признаться, задумка была оригинальная. Смысл был в следующем. Когда набиралось определенное количество "пьяного груза", то Сынок звонил в какую-нибудь хату, находящуюся на другом конце корпуса и говорил всего одно слово, – Начинайте.

В той хате начинал разыгрываться целый спектакль. Один из арестантов изображал болезнь – сердце, аппендицит, почки. Сокамерники через инспектора вызывали врача, крича, что человек умирает. Приходил врач, но "больной" говорил, что не может встать с нары и требовал врача в камеру. По правилам, никто не может зайти в камеру после отбоя. Точнее, зайти можно, но должен присутствовать ДПНСИ (дежурный помощник начальника следственного изолятора), либо его зам, дежурный оперативник и несколько человек контролеров. Следовательно, Маничка был там, вместе с доктором и пока врач обследовал и щупал "больного", у дорожников был примерно час, чтобы успеть распахать груз. Но, вот уже второе дежурство Сеньков никуда не ходит, а караулит груз, стоя под окнами. Понял, догадались дорожники, "пасет" за нами.

И, наверное, так бы и продолжалась эта карусель, если бы не случай. Однажды с суда приехал Антон Гелик и рассказал интересную историю. Прозвище Гелик получил за любовь к автомобилям "Гелендваген". Сидел он третий раз и все за махинации с землей. Но на этот раз попал вместе с женой и теперь судили обоих. Гелик всеми способами старался отмазать свою Настю, чтобы она вышла на свободу. По его словам, у него получалось.

Так вот, приехав с суда Гелик начал рассказывать...

– Прикиньте, что Настя моя рассказала. На днях у девок в хате хипиш (скандал) произошел, что-то там две наркоши не поделили и сцепились, прям по-взрослому. Ну и короче, начинается суета – ДПНСИ, куча мусоров и Маничка с ними. Открывают хату, влетают толпой, этих наркош растянули по углам, Тайсоны, мля. А у них же хата старая, убитая, всё ремонт сделать не могут. И по хате у них, как дома у себя тараканы, мыши и крысы бегают. Стоит

Маничка и что-то им "лечит" за режим содержания и правила внутреннего распорядка, девки кивают в ответ, типа, понимаем, гражданин начальник. И тут из-под нары вылезает мышка и пробежала по хате. Маничка, как увидел ее, побледнел и из хаты выскочил. А Наташка Сечка, Ява, ну ты знаешь ее, еще вслед кричит, – Гражданин начальник, а как же правила внутреннего распорядка? Девки ржут, оказывается наш Маничка мышей боится. Вот так, пацаны.

Все поулыбались, кто-то позлорадствовал, а у Седого начал зреть план. О чем-то пошептавшись с Сыном, Седой подошел к Яве и сказал, – Андрей! Есть тема.

– Что за тема? – поинтересовался Ява

– Давай Маничку накажем. И рассказал свой план. Смотрящий ухмыльнулся и сказал, что это должно сработать.

– Хата, слушайте, – громко произнес Ява, – тема такая. С сегодняшнего дня ловим мышей всей хатой. Как хотите – на петли, в пустые бутылки, хоть руками, но нужно поймать штук 15-20, и чтобы все были живые. Кошку привязать, чтобы не пугала живность и вперед. И чем быстрее, тем лучше.

Надо заметить, что в камере жила кошка по кличке Стерва, ее прикармливал Сынок, она и мешала мышам разгуливать по хате, как по Арбату. Теперь кошку придется садить на привязь, но кошка – кошкой, а месть Маничке – это святое. Для Стервы сплели ошейник и привязали к ножке нары.

И вот несколько дней практически все обитатели хаты 155 занимались отловом мышей. Наловили штук двадцать пять, начиная от совсем маленьких мышат и заканчивая отцами и матерями мышиных семейств – взрослыми особями. Всех мышей сажали в пустую двухлитровую бутылку. Сделали им дырочки для вентиляции, кормили и даже пытались поить, заливая им внутрь воду. Вся хата ждала день "Х".

И вот этот день наступил. Маничка заступил на свое суточное оперское дежурство. Как обычно, после отбоя, когда дорожники начали "строиться", капитан Сеньков занял свой пост на табурете под окнами хаты 155. Все шло, как обычно. Во все стороны летели "бандяки" с сигаретами, чаем, конфетами и колбасой. Так прошло часа два. Маничка, стоя внизу, уже нетерпеливо перебирал ногами, как боевой конь в ожидании звука трубы, зная, прям "селезенкой чувствуя", что вот-вот полетит серьезный груз.

Седой позвонил дорожнику из соседней хаты 156 и сказал, что сейчас пойдет бутылка, но, чтобы тот не спешил забирать, а затягивал медленно, если что, то все вопросы может прокричать в окно. Итак, операция началась...

– Один пять шесть, – крикнул Седой в окно.

– Говори, – раздалось в ответ.

– Принимай, только не торопись, она полная, – прокричал Седой.

И началось... Маничка внизу напрягся, запрыгнул на табурет, схватил свой "волшебный шест" и как Маугли приготовился к "большой охоте". И вот из окна хаты 155 показался кисет, да не просто кисет, а с бутылкой. Расстояние между окнами 155 и 156 было примерно метров семь. Дождавшись, когда кисет с бутылкой проехал половину расстояния, Манечка с удалью гарпунера-китобоя, схватил его крючком и резко дернул вниз. Веревка выдержала, но кисет с бутылкой сорвался и упал на землю.

Бросив свою "волшебную палочку", забыв про табурет, Маничка с видом жизнерадостного дебила помчался в свой кабинет, который находился в штабе, на втором этаже. Он бежал и чувствовал, что бутылка полная. Особенно радовало Сенькова то, что внутри что-то гремело.

– Значит в самогон корочек от цитрусовых добавили, для вкуса, аристократы" – строил в уме логическую цепочку капитан, – следовательно, груз шел для блатных, вот я их обломал, – радовался Маничка. Пробежав мимо юной сотрудницы, которая сидела в будке пропускного пункта, Сеньков, перепрыгивая через две ступеньки бросился наверх.

Надо пояснить, что на первом этаже штаба располагался контрольно-пропускной пункт (КПП), откуда был выход "за забор". Каждые сутки на дежурство заступала девушка – сотрудница, которая регулировала поток посетителей, открывал и закрывал двери с электрическими замками. Сегодня дежурила Света, юное создание, лет 24. Света работала в СИЗО уже третий год, носила звание младшего сержанта, мечтала выйти замуж за полковника и ненавидела Сенькова за его беготню целыми ночами в кабинет и обратно. Если у них совпадали дежурства, то для Светы это было мученье – Сеньков бегал туда-обратно (эдакий неутомимый Маленький Мук-скороход) всю ночь, она постоянно открывала и закрывала ему двери и капитан своей беготней отрывал девушку от ночных мечтаний о замужестве.

– Опять самогон поймал, подумала сотрудница, глядя в спину капитана и вернулась к своим мечтам, в которых она выходит замуж уже за генерала и живет счастливо. Не успела Света примерить на себя статус генеральской жены, как сверху раздался вскрик, – Мама! Потом что-то нецензурное и следом кто-то стал орать, как будто его режут. Этот крик, – Аааааа!!!.... Резал уши и нагонял ужас...

Света сразу подумала, что кто-то из "постояльцев" СИЗО выбрался из камеры, пробрался в штаб и теперь убивает Сенькова ложкой с заточенной ручкой, мстя за отъятый самогон. Девушка нажала "тревожную кнопку" и стала кричать в рацию: "ГБР (группа быстрого реагирования) срочно в штаб, Сенькова убивают!"

Где-то в караулке раздалась сирена и ГБР, точнее свободная смена сотрудников, натягивая на бегу бронежилеты и каски, как стадо носорогов помчалась к штабу. Пробежав мимо побледневшей Светы сотрудники толпой влетели на второй этаж и увидели...

Напротив, своего кабинета, дверь которого была закрыта, прислонившись спиной к стене стоял Сеньков. Это был уже не тот капитан, спокойный и уверенный в себе профессионал, каким его привыкли видеть сотрудники. Перед ними стоял перепуганный мальчишка, которому обещали Деда Мороза, а показали "бабайку". Руки у него тряслись, он что-то пытался сказать и показывал на закрытую дверь кабинета. Судя по мимике и каким-то обрывкам фраз Манички, в кабинете находилось несколько человек с не очень добрыми намерениями.

Сотрудники, пожалев, что не взяли с собой щиты, приготовили дубинки, дабы отражать атаки злоумышленников и начали осторожно открывать дверь...

Первое, что увидели ГБРовцы – это лежащий на полу стул. Судя по всему, его уронил капитан, когда выскакивал из кабинета. И больше в кабинете никого не было. Ну, как, никого... Никого из людей.

На столе лежала пустая двухлитровая бутылка, обернутая черным полиэтиленовым пакетом. А по столу бегали мыши. Создавалось впечатление, что мыши внимательно изучают документы с грифом "Для служебного пользования", играют карандашами, другими канцелярскими принадлежностями, ну или просто гуляют по столу. Эдакая мышьяная бюрократия, причем на людей они не обращали никакого внимания. Ну какие могут быть люди, если их только что выпустили из их мышьяной тюрьмы, в виде бутылки.

История закончилась благополучно для всех. Маничке вызвали врача, тот сделал Сенькову укол и капитан проспал до утра на кушетке в санчасти. Утром в кабинет загнали двух шнырей из хозобслуги и мыши были благополучно изловлены и выгнаны с чужой территории.

Капитан Сеньков умерил свой пыл и больше за самогоном не охотился. Правда недели через две подошел к хате 155 и подозвал Яву к кормяку. Разговор был короткий.

– Позовите Гаврилова (Седого) и Чернова (Сынка), разговор к ним есть. И сами попристутствуйте, Степанов (фамилия Явы), – резко сказал Маничка.

– Не буду, гражданин начальник, их звать, они заняты, – весело отозвался Ява.

– Чем это заняты? – недовольно пробурчал капитан.

– Мышей дрессируют, – серьезно ответил Ява.

Услышав про мышей, Манечка побледнел, ругнулся, вспомнил чью-то бабушку, захлопнул кормяк и ушел. Больше к хате 155 он не подходил, даже в те дни, когда дежурил...

А Седой и Сынок стали своеобразными легендами, которые сумели наказать самого Манечку. И до сих пор эту историю рассказывают друг другу арестанты, приукрашивая ее все новыми и новыми подробностями.

Первая встреча с "масками-шоу" в лагере

Я проснулся до подъема. Лежал и думал, что меня разбудило? Всмотривался в темноту барака и вслушивался в шум за окном. В бараке была относительная тишина, хотя для вольных людей это было бы схоже с тем, как спать на аэродроме. Кто-то тихо сопел, кто-то храпел, как паровоз, кто-то разговаривал, кто-то вскрикивал, а старый армянин в середине секции поминал чью-то мать на своем древнем языке, но это был нормальный ночной шум. Лежа на спине я понял, причину того, отчего проснулся. В окне напротив была видна была локалка и там под светом фонарей бегали обиженные и убирали снег. Значит ночью снег шел, точно, скоро ведь Новый год. Сегодня какое число? 27 или 28 декабря? Вроде бы, двадцать седьмое...

Глянул на руку, чтобы посмотреть время и вспомнил, что часы проиграл в нарды старому рецидивисту по погонялу Седой в осужденке, когда меня везли в этот лагерь после раскрутки. Да, хорошие были часы – "Seiko"...

Кстати, давайте знакомиться. Зовут меня Андрей Андреевич Петраковский. Правда, до Андреевича я не дорос, а погоняло пока – Петрик, я ведь еще и до погоняла нормального не дорос, так... Шпанюк, ну или как еще говорили – звездюк. В этот лагерь усиленного режима попал за то, что бежал из-под стражи, когда меня вывозили на раскрутку с общего. Бежал, мать его, на свою голову. То дело не доказали, но за побег добавили. Итог – срок у меня пять лет и это первый мой Новый год в лагере, хотя сижу уже (ну или еще) почти два года. Все пугают, что перед праздником заходит ОМОН или как, здесь говорят маски-шоу, но мне кажется, что больше пугают.

Да, еще. Я из интеллигентной семьи. Мама – учитель французского языка, папа – инженер и в свое время был лектором КПСС. И тут я... Эдакий урод в семье, но что есть, то есть. Отец от меня сразу отказался, а мама тайком шлет бандероли и надеется на мое исправление. Какое исправление, мама, если я признан склонным к побегу, периодически я попадаю в ШИЗО, а когда в зоне, то каждые два часа меня приходит проверять мусор и отмечать меня, что я нахожусь в районе барака? Кстати, а кто сегодня проверяет? Что-то не могу вспомнить, чья смена на сутках. По-моему, Олежка Руки... Почему Руки? Так этот контролер до того худой, что его руки тоньше дубинки, которая у него на поясе.

Ну ладно, что-то на ностальгию потянуло. До добра это не доводит. Итак, я Андрюша Петрик, шпанюк лагеря (почти блатной) и мне эта жизнь нравится. Я уже имею какое-то слово в разговоре с администрацией, меня не дергают по мелочам мусора и вообще... Я могу себе позволить ходить в итальянских ботинках зимой по лагерю (а многие из вас носили итальянскую кожу в девяностых на свободе?), носить свитер и фуфайку, вываренную в хлорке. Короче, шпанюк. Ну что, нужно просыпаться полностью и вставать. Встаю со шконки, натягиваю спортивные штаны и иду умываться... Выхожу на продол (коридор в бараке) и спрашиваю у шнырей – в лагере все тихо?

Ответ – да.

Умылся и возвращаюсь в купе (место между двумя шконками).

Бужу Витю. Мало того, что Витя – это мой сосед по купе, но он мне близкий. Бужу его и говорю, – Чай пить будем?

Витя протирает глаза и ленивым голосом спрашивает, – Подъем был?

Отвечаю, что не был. Он ворчит, что можно и подождать было с пробуждением, но чай пить будем. Я ставлю кружку и начинаю варить чифирь. Витя лениво встает, одевается и идет умываться.

Что рассказать про Витю? Служил в стройбате, где дрались больше, чем на какой-нибудь войне. Пришел с армии, познакомился с девчонкой, вроде все серьезно. Шел с ней вечером, докопались два утырка, слово за слово – драка. Итог – один из тех труп, а второй – инвалид. Вите дают десять лет, девчонка выходит замуж за другого. Я, когда приехал в лагерь, то он сидел семь лет, но мы как-то с ним задружились и вот уже полгода являемся семейниками, а проще говоря – близкими.

Приходит Витя и садимся пить чай, каждый думает о своем. Витя и говорит – что-то чуйка не очень хорошая. Да ладно, говорю, ерунда, прорвемся. И тут объявляют подъем во всем лагере. Забегали шныри, включая свет, на продоле что-то верещит завхоз, как будто режут его, суета. Арестанты вскакивают со шконок, кто-то ворчит на соседа, кто-то пытается рассказать сон, кто-то анекдот, одни словом – барак проснулся. Но минут через десять все успокоились, умылись и многие пошли в столовую. Заходит Олежка Руки, я расписываюсь за то, что не сбежал, представьте какой маразм....

И вот, сидим мы с Витей, балдеем от чая, все отлично.

– Пойдем курить, спрашиваю? – после чая мы любили курить на улице.

– Ага, – соглашается он, ну, накидываем фуфайки и выходим.

Благодать, ветра нет, свежий снег, мороз примерно минус 10, сиди себе в тюрьме и радуйся. Но Витя не может успокоиться, – Что-то свербит, что-то сегодня будет.

Я говорю, – брось, рано еще.

А он отвечает, – Сидишь мало, а я восьмерку досиживаю, говорю, что что-то будет.

Ну ладно, покурили, постояли, подышали... Тут и народ со столовой стал приходить, только собрались заходить в барак...

И идет наш общий знакомый с соседнего барака Гоблин Яша. Почему Гоблин? А здоровый был, как Красноярский край, вот и Гоблин, тем более что он был чемпион СССР по какой-то борьбе. Сидел за бандитизм, но добрый был, как Чебурашка, ну или Винни Пух.

И спрашивает, – Пацаны, чай есть?

– Есть, – отвечаем, – пойдем, заварим.

Приходим к нам в купе, и Гоблин говорит, сегодня будет ОМОН.

– Откуда информация?

– От верблюда, чуйка работает.

Я ему говорю, – Яша, брось!

А он... Хитрый такой – а выйди на проверку в своих замечательных джинсах черных. "На слабо" берет, хотя, вроде и приятель... А, так как лагерь был черный, то выходили на проверку в спортивных костюмах, а тут... В джинсах...

– Ладно, Яша, мажем (спорим), выйду...

Ну посмеялись, вроде, Витя и говорит, – Яша, завтракать оставайся.

Тот стал отнекиваться, типа у себя поест. Витя продолжает уговаривать и объясняет, что если чуйка у них двоих, то нужно колбасу доест и масло сливочное, не солидно, говорит, на шмон с колбасой идти. Сделали сладкий чай, тут шныри пайки принесли, а утром всегда белый хлеб был.

Нарезали последние полкило колбасы, наделали бутербродов, позавтракали, а я хохочу – Яша! Мы тебе, богатырю, последнюю колбасу скормили. Если "маски" в лагерь сегодня не зайдут, то я к тебе завтракать завтра приду.

Яша усмехнулся – зайдут.

Выходим покурить и ДПНК (дежурный помощник начальника колонии) объявляет по матюгальнику (громкая связь по лагерю) проверку. Ну и вот, я как правильный пацан (я же

слово дал) натягиваю на себя черные джинсы, правильный ремень, хорошую черную футболку, свой фуфан и шапку с кожаным верхом и выхожу на проверку. И приходит отрядник и объявляет, что сегодня в лагере будет шмон, с заходом "масок"... А сам отрядник стоит бледный и не знает, что делать. Все, аут...

Вот и покурили, вот и чай попили с Гоблиным и с Витей, вот это чуйка у пацанов... Ну и начинается цирк. По матюгальнику объявляют, что всему лагерю нужно постепенно выходить на "стометровку" (место между вахтой и перед выходом в промзону), строиться пятерками и проходить шмон. Ну, что делать? Собираем свои "непосильным трудом нажитые" пожитки и идем.

И вижу, что за воротами вахты в начале промзоны стоят солдаты внутренних войск. Реально триста гладиаторов, это потом мне такое сравнение пришло, когда фильм какой-то вышел. Все в шинелях, в касках с "полусферами", все со щитами, с дубинками, бьют этими дубинками по щитам, шум стоит – "Бум-бум, бум" и... Через каждые пять щитов собаки... А собаки – это и овчарки, и доберманы, и ротвейлеры. Шум, лай, стук дубинок и... Ощущение безнадежности... Что еще сказать? Вот это и есть – тюрьма... А, собаки... У них длина поводка ровно такая, чтобы ты проскочил между ними, двумя, если оступишься сантиметров на двадцать влево или вправо, то она тебя за задницу и схватит, ну и оторвет кусок... Вот и живи потом, как хочешь, с покусанной задницей...

И вот, картина. "Стометровка" это было такое пространство между задней стеной лагеря и вахтой (ну или дежуркой) – расстояние метров сто двадцать. Когда стоишь лицом к вахте, то под ней ворота, которые ведут в промзону, слева стена, справа стена, все, бежать некуда. Нас выводят туда, и я вижу картину – под стенами стоят столы, с каждой стороны – штук по пятнадцать. За каждым столом стоит сотрудник под шмон. Ну, что? Поехали? Поехали!

И погнали нас пятерками по столам – первая пятерка налево, вторая – направо. Я попадаю в пятерку, которая подходит к нашим мусорам с лагеря. И, оооо.... Привет, давно не виделись, Олежка Руки! Здравствуй! И он начинает шмонать мою сумку. И находит какой-то учебник по шахматам, который меня попросил пронести на шмон один интеллигент. Сидел он за какую-то растрату, был тихий и боялся, что учебник заберут. И мы с этим Олегом начинаем "бодаться". Руки кричит – выбрасывай, где ты и где шахматы. Я ему кричу, что учусь играть. Он орет, ты только учишься, как в ШИЗО садиться. Я ему в ответ – я хочу встать на путь исправления, цирк, одним словом. Он кричит, что запрещено, я кричу, что разрешено. Нормальный спор арестанта и мусора.

И вот стоит этот Олег Руки и начинает мне шепотом говорить, – Собирай вещи и звездуй отсюда.

Я у него спрашиваю, – Так книгу можно или нет?

Он также шепотом говорит – можно все, и я вижу, что он прижимается промежностью в стол и как-то вытягивается, как на параде. Впечатление, что президента увидел. ...

И смотрю, у него вид какой-то стал придурковатый, да и косоглазие резко началось.

Интересуюсь, – Что случилось, все хорошо?

А он косит глазами, как придурок, бледнеет и шепчет – проходи. Я поворачиваю голову в ту сторону, куда он косится и ...

Если вы помните, то в советском фильме "Чапаев" была показана атака капеллецев, это когда идут в бой молча, эдакая психическая атака. Примерно, как на фото, только без штыков. А если серьезно, то я подумал, что это тридцать три богатыря и с ними дядька Черномор.

Это было нечто, они шли клином. Был клин и возглавлял этот дядя... Сейчас попробую описать. Шло их человек сорок. В черных костюмах и в масках, где видны было только глаза. И у каждого в руках по дубинке (те, кто из старых подтвердят). И это именно был клин. Но первый... Это был реальный богатырь, роста выше двух метров и такой здоровый в плечах и огромный... как трехстворчатый шкаф с антресолью. И что меня поразило – они все были

без касок, а только в масках, причем в тех масках (кто помнит) старого образца – разрез был только для глаз. И вот идет этот первый... И он крутит в обеих руках эти дубинки, причем крутит пальцами. Вы представьте, он крутит резиновые палки, каждая из которых 74 или 73 сантиметра в длину, как карандаши. И самое, что страшное, он спокойно успевает еще поднять руки вверх и вниз, жонглер, мать его. И меня поразили его пальцы, впечатление, что они длинной как половина дубинка. Это что-то нереальное, причем он был в перчатках с обрезанными пальцами. Вот представьте, торчат огромные сосиски из черных перчаток и крутят эти дубинки

И вот я пытаюсь пройти боком мимо, нафиг он мне нужен? И тут, он молча хлопает меня по плечу... Я поворачиваюсь к нему лицом и смотрю в его глаза. Вижу серые и в то же время бездонные и пустые глаза (заметьте, что он выше меня сантиметров на 25-30) и понимаю, что глаза отводить нельзя. Нельзя, совсем... И мы стоим друг напротив друга, смотрим в глаза, взгляд никто не отводит. Честно? Я вижу в них свою смерть. И я начал прощаться с мамой – мамочка прости, но так получилось, что сыночек погиб в тюрьме. Кстати, кто помнит, это сейчас спецназ ФСИН кричит, а раньше они молчали. Ну и этот здоровенный мужик показывает двумя пальцами – типа, встать к стене. А что делать? Я понимаю, что если не встану, то умру здесь моментом и становлюсь к этой самой стене. Поднимаю руки над головой и немного раздвигаю ноги. И знаю, что если придется умирать, то хоть раз, но попытаюсь ударить его. Оказывается, нет. Все легче и проще. Этот мужик подходит ко мне, задирает фуфайку, запускает руки под пояс джинсов с боков и одним движением рвет их вниз. Вы представьте... Рвет на мне джинсы по боковому шву, вместе с пряжкой ремня. Я только услышал, как пряжка дзинкнула о забор. И все – я стою в трусах, в итальянских ботинках, футболке и фуфайке. Потом молчаливое похлопыванье по плечу, я поворачиваю голову назад, и он жестом показывает мне – иди. И вот тут я понимаю, что все прошло мирно и без потерь для здоровья...

Прохожу спокойно мимо этого строя ВВ-шников, солдатики стоят обалдевшие и даже собак придерживают. А я иду и удивляюсь... Да что там, удивляюсь, я был в шоке. В промзоне загоняют всех в цеха, и начало отпускать.

И здесь все свои. Здорово, пацаны! Мир и дружба, всем нам. Андрюха! На, держи штаны, и давай хохотать, как дурные. Что еще рассказать? Не знаю, подумаю...

И только потом, когда уже все закончилось, сказали, странно, но в этот шмон никого пальцем не тронули. Только одежду вольную рвали на людях, но все пристойно. Но и потом в жизни пришлось и "под раздачи" попадать. Но это совсем другие истории.

Котенок Бонифаций

История эта произошла в начале 90-х годов в одной из исправительных колоний, коих раскидано по нашей матушке – Руси великое множество. Лагерь тот был усиленного режима, черный, администрация на многое закрывала глаза, в том числе и на кошек, которых арестанты держали. Вот об одной из кошек, точнее – котов пойдет речь.

Дело было поздней осенью, когда уже листья с деревьев облетели, температура опускалась до минус пяти, периодически выпадал снег.

И сидел в этом лагере старый рецидивист Юра Горб. Лет ему было чуть за пятьдесят, из которых тридцать он провел в тюрьмах и лагерях, прозвище получил за то, что постоянно горбился. Наверное, прошлая и нелегкая жизнь отложила свой отпечаток, но складывалось впечатление, что он действительно имеет горб. Был Юра высокий и худой, именно той, лагерной худобой, которая сразу выдает в нем человека бывалого и не ждущего от жизни ничего хорошего.

Юра был квартирный вор, эдакий гастролер – крадун, чем и жил, за что и сидел постоянно. В конце 80-х он поехал на "гастроли" в Казахскую ССР, там и попался. Потерпевший оказался каким-то номенклатурным работником, впаяли Горбу пять лет и сидел он в Карагандинских лагерях. Когда пришел конец срока, то Союз развалился, это уже был независи-

мый Казахстан и поехал Горб домой, в Россию. Его потерпевший сильно постарался и по освобождению казахский суд дал Юре два года надзора. Юра, думая, что казахские документы не достанут его в России, жил на свободе спокойно и не переживал. Наверное, все-таки он сильно достал своего терпилу (потерпевшего), но документы о том, что у Юры есть надзор пришли в Россию. В итоге, уже российский суд дал Горбу два года реального срока за то, что он не отмечался, находясь под надзором.

Так как статья не тяжкая, но с учетом биографии Юры, режим ему был определен усиленный. И вот этот Юра Горб отбывает свою двушку среди молодежи – грабителей, разбойников, убийц. У Горба было всего два развлечения. Первое – это тасоваться (ходить от стены к стене) по локалке (территория около барака) и травить байки молодежи о "ранешних временах", когда водка была крепче и дешевле, а девки моложе. Соберет вокруг себя человек пять, они заварят чифирия и давай им Юра в уши дуть "за жизнь". Ну, а что... И молодым интересно, да и старому развлечение.

Всё бы так и шло дальше, до конца срока Горба, но тут барачная кошка Маркиза окотилась, принесла пятерых котят. Одного котенка – мальчика, черного, как уголь, Юра забрал себе. Вот тут у Горба "кукушка" и улетела. С учетом того, что он и так уже был "пересидком", Юра просто "повернулся" на заботе о котенке.

Во-первых, он назвал кота Бонифаций, сокращенно – Боня. Во-вторых, сплел ему ошейник из красных нитей и по ошейнику Боню знал весь барак. В-третьих, Горб очень сильно ревновал Боню ко всем, кто пытался играть с котенком или погладить. Доходило до скандалов, с руганью и угрозами.

Бонифаций рос и превратился в молодого кота. Наверное, тюрьма на него как-то повлияла, а может что-то с генами или воспитание Юры наложило отпечаток, но Боня был похож на бультерьера, втиснутого в кошачью шкуру. Он был криволапый, какой-то дерзкий, не мяукал, а только рычал. Причем рычал на всех, кроме Горба. Боня даже не царапался, а сразу кусал, ну, в натуре, бультерьер.

Но Юра души не чаял в своем Бонифации. Это была какая-то нереальная дружба, ну или любовь "брата старшего" к "брату меньшему". Боня спал на шконке (кровати), прям вместе с Горбом, причем голова Бони была на подушке, а туловище под одеялом. Они ели из одной миски, точнее, ел Юра, а кота кормил. Нужно было наблюдать эту картину – сидит на шконке Юра, перед ним тарелка с супом, на коленях Бонифаций. Юра ложку супа себе в рот, потом набирает и дает Бонифацию и ждет, когда тот съест, эдакий нянь-рецидивист. И так каждый прием пищи.

Молодежь в бараке предлагала "арестанта" – Боню научить пить чифирия, на что Горб возмущался, дескать, вы что паскудники, он же еще ребенок, не дорос. Когда они выходили на прогулку, то это выглядело так – идет, сгорбившись Юра, а рядом на поводке бежит Бонифаций. Так и ходили от одной стены локалки к другой. Почти по Чехову, только это было мужчина с котом, а не дама с собачкой. И вся эта идиллия продолжалась до одного случая.

Сидели вместе с Юрой на бараке четыре молодых парня.

Первый, это Саша Маленький, парень лет 30. Прозвали его так за маленький рост, он действительно был не выше метра шестидесяти и шуплый, как ребенок. Несмотря на такую внешность, Саша был очень дерзкий и сидел за убийство, кого-то там ножом на фарш разделал. Срок у него был 12 лет и на момент рассказа, отсидел уже десять. Конечно, у Маленького "крыша текла", но это проявлялось в том, что он мог кого-то доводить шутками с самым серьезным видом. Если Саше попадала "жертва", то он мог часами "докапываться" до человека, причем, все это делалось спокойным тоном.

Второй, это семейник Саши – Олег Резец, примерно его ровесник. Был он высокий, жилистый парень. До тюрьмы закончил какое-то училище по профессии "столяр-краснодеревщик", работал в артели, которая изготавливала резную мебель. Что-то там не поделил с бригадиром и

убил его резцом по дереву, за что и получил погоняло. Срок у него был десять лет и Олег досиживал последний год. Буквально еще несколько месяцев назад, Резец занимался "маклями", то есть резал нарды, шкатулки и прочие разделочные доски, но сейчас, устав от всего, просто ждал конец срока. С Маленьким они были очень дружны и если Саша начинал кого-то "доставать" со своими шутками-прибаутками, Олег всегда его поддерживал.

Третий, Ян Броня – здоровенный, сельский парень, лет 27. Прозвали его так за широкий, как взлетная полоса аэропорта Шереметьево, лоб. Сидел он за кражу государственного имущества, в самый разгар начала фермерского движения, угнал в колхозе комбайн и продал каким-то фермерам. Получил свои восемь лет, отсидел шесть. Тоже был веселый гражданин, но юмор у него был какой-то "плосковатый", что ли. Ян был парень очень добрый, он всех жалел, несмотря на свою жутковатую внешность

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.